

Lyudmila Kilewaja

Нейтрализация границы грамматических значений в разговорной речи

humanistica 21 1, 53-66

2017

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Lyudmila Kilewaja

Нейтрализация границы грамматических значений в разговорной речи

Abstract: “The Neutralization of Grammar Meanings’ Board in the Conversational Speech”

Extralinguistic factors of colloquial speech, foremost rashness, spontaneous character of flowing, verbalness, unofficialness, the dialogicity communications, its constructivity, predetermine two opposite tendencies in the process of her functioning. The unfolded character of plan idea of maintenance, conditioned by the cognitive capabilities of modern human, enters into contradiction with the tendency of speech cost effectiveness talking plan of expression. The conducted analysis testifies, however, that formed on the base of it the semantic compression of grammatical constructions not at all corrects the intension of talking. The remaining after borders verbalization components of grammatical constructions are represented to listening in the process of flowing of speech.

The article is based on the analysis of Russian colloquial speech of Belarussian intelligentsia of Mogilev city. It is educed during an analysis that in the process of spontaneous communication of semantic compression numerous grammatical codificated literary language constructs appear liable. Nascent certain syncretism of semantics shows up in colloquial speech as original constructions.

Key words: spontaneity, dialogicity, cognitive capabilities, speech facilities, syncretism of semantics

Abstrakt: „Neutralizacja granic znaczeń gramatycznych w mowie potocznej”

Czynniki ekstralingwistyczne mowy potocznej, takie jako nierozważność, mimowolny, ustny charakter istnienia, nieoficjalność, dialogiczność komunikowania, jej konsytuatywność, determinują dwie przeciwległe tendencje w trakcie jej funkcjonowania. Rozwinięty charakter planu treści (znaczenia) uwarunkowany kognitywnymi

możliwościami współczesnego człowieka wstępuje w sprzeczności z tendencją mównego oszczędnego używania środków językowych (plan wyrażenia). Przeprowadzona analizabadań wskazuje, jednak, na to, że ukształtowana za pomocą podanych czynników semantyczna kompresja konstrukcji gramatycznych nie poprawia zamysłu wypowiedzi nadawcy aktu komunikatywnego. Pozostałe za granicą werbalizacji komponenty konstrukcji gramatycznych są przekazywane do nadawcy w procesie obcowania.

Niniejszy artykuł jest opracowany na podstawie analizy rosyjskiej mowy potocznej wykorzystywanej przez inteligencję białoruską miasta Mohylew. Przeprowadzona analiza pokazuje, że wykorzystanie mowy potocznej powoduje kompresję semantyczną odpowiednio dużej ilości konstrukcji gramatycznych rosyjskiego języka literackiego. Powstający pewny synkretyzm semantyki wyjawia się w mowie potocznej jako konstrukcje samoistne.

Słowa kluczowe: spontaniczność, dialogiczność, predyspozycje kognitywne, synkretyzm semantyki

Постмодернистский характер современной культуры затрагивает все сферы жизни человека, не оставляя в стороне и языковую систему. Постмодернистское сознание стремится отказаться от традиционных дуальных оппозиций, а периферийное и маргинальное объявляется равноправным ядерному. В контексте такого сознания реальность предстает как виртуальная, идеальная, что способствует вариативности восприятия любого фрагмента мира и приводит к нестабильности. Актуализируется сослагательность речи, проявляемая в словах *типа, как бы* и под. Известный постмодернистский призыв «Засыпайте рвы, переходите границы!» (Лесли Фидлер) предопределяет нивелирование границ, очерчивающих амбивалентность жизни и смерти, верха и низа, мужского и женского, субъекта и объекта. В результате формируется модель одноуровневой реальности, на основе чего самое

постмодернистское сознание можно интерпретировать как феномен одноуровневой культуры (2010: 467).

Грамматические значения как языковые факты, функционирующие в фокусе этого сознания в результате стирания границ, приобретают тенденцию к утрате амбивалентности, влекущей за собой нейтрализацию оппозиций данных грамматических значений. Модель феномена одноуровневого характера грамматических значений вступает в противоречие с традиционным подходом к ним как оппозиционным составляющим любой грамматической категории.

Как известно, концепция оппозиции языковых значений получает распространение в языкознании как структурно-функциональная концепция. Она была разработана Н.С. Трубецким применительно к фонологии. Ее сущность заключается в том, что члены оппозиции разлагаются на частично общие и частично различные элементы. Систематизация языковых составляющих на основе оппозиции позволяет выявить изменения дескриптивной функции языка, идеальным прообразом которого провозглашается «индоевропейский языковой союз» как некое структурно-семантическое множество (2000). Впоследствии используемые при анализе звуковой стороны языка методы и понятия были успешно применены к другим уровням осмысления языка, в том числе и к грамматическим оппозициям.

Постмодернистская культура способствует постепенному вытеснению модели грамматических оппозиций и нейтрализации грамматических значений внутри единой грамматической категории. Следует, однако, подчеркнуть, что данный процесс применительно к языковым фактам отнюдь не «новоиспеченная» тенденция современности: процессы такого рода наблюдаются уже в последние

десятилетия прошлого века на уровне разговорной речи.

Настоящая статья построена на основе анализа магнитофонных и ручных записей русской разговорной речи белорусского областного центра – города Могилева. Информантами послужили представители интеллигенции, лица с высшим и средним специальным образованием, белорусы по национальности, в равной мере владеющие белорусским и русским литературными языками, в непринужденно-бытовом общении пользующиеся преимущественно русским языком. В рамках статьи обозначенная проблема решается на материале разговорных конструкций, включающих глагол как достаточно употребительную часть речи в разговорно-бытовом общении. Не случайно, согласно наблюдениям О.Б. Сиротининой, «широкое использование в разговорной речи незначительной лексики (местоимений, частиц, релятивов) приводит к неизбежному уменьшению доли знаменательных частей речи, но при этом прежде всего уменьшается доля имен, а не глаголов» (1974: 78-79).

В русской разговорной речи наших информантов обнаруживается высокая регулярность в образовании видовых пар. Это выражается в расширении зоны вторичной имперфективации глаголов. Вторичные имперфективы образуются от префиксальных глаголов совершенного вида с помощью суффиксов *-ива-*, *-ыва-*: *задремать* – *задремывать*, *доконать* – *доканывать*, *выторговать* – *выторговывать*, *забинтовать* – *забинтовывать*, *израсходовать* – *израсходовывать*, *соригинальничать* – *соригинальничивать*, *экономить* – *экономливать*.

В зависимости от степени регулярности такого рода употреблений одни глаголы закрепляются в системе языка, другие приобретают окказиональный характер. Приведем следующий иллюстративный

материал: *Много ли ты на этом **сэкономливаешь**; Ну тысячу точно она за лето **выторговывает**; Теперь каждый вечер приходится на ночь **забинтовывать**; Ну и кого она еще собирает **доканывать**? Да, на нашем труде они каждый год **соригинальничают**.*

Примечательно, что на большую свободу в образовании вторичных имперфективов в разговорной речи указывал еще В.В. Виноградов. Данное явление ученый демонстрирует на примере видовой пары *замарать – замарывать*, справедливо подчеркивая, что в представленной паре форма несовершенного вида «ярче всего подчеркивает оттенок интенсивности, длительности и повторяемости (соотносительно с *марать*)» (1986: 418). В приведенном случае очевидна зыбкость границ между глаголами совершенного и несовершенного вида, благодаря которой глаголы, способные к перфективации, в равной мере реализуют потенциальную возможность вторичной имперфективации, что, как известно, в целом не характерно для кодифицированного литературного языка. Устойчивость употребления, регулярность подобной реализации обуславливает закрепление ряда вторичных имперфективов в языковой системе. Это является свидетельством расширения границ зоны вторичной имперфективации не только на уровне речи, но и на уровне языка.

Еще в большей мере нейтрализация границ в русской разговорной речи наблюдается в сфере переходных и непереходных глаголов.

Известно, что переходность как грамматическая категория кодифицированного литературного языка основывается на переходе действия субъекта на прямой объект. В соответствии с этим ограничение состава переходных глаголов базируется на их семантике. В отличие от этого в сфере разговорной речи, согласно собранным данным фактического

материала, функцию переходных глаголов способны выполнять глаголы, за которыми в кодифицированном литературном языке закреплен статус непереходных. Приведем следующий пример фактического материала: **Ты** *опять котлеты подгорела*. Используемый в данной конструкции глагол *подгореть* в кодифицированной грамматике русского литературного языка принадлежит к разряду непереходных глаголов. В рассматриваемом же высказывании очевиден переход обозначаемого им действия на прямой объект, представленный существительным *котлеты*. Множество подобных примеров, отмечаемых в речи информантов, позволяет говорить о регулярном характере такого рода употреблений. Приведем некоторые из них: *Зато он уже свою жену растолстел*; (*о собачках в цирке*) *Это который шарик они уже лопают?*; (*во время ожидания автобуса*) *Они что? Решили детей заночевать здесь?*; *А кто блинчики подгорел?*; (*о еде*) *Хотите меня лопнуть?*; *Сам целый день по лесу шатаешься и ребенка блудишь; Ты что? решила папу опоздать?*

Как свидетельствует произведенный анализ, трансформации непереходных глаголов в состав переходных подвержены прежде всего глаголы совершенного вида, как правило, презентующие ситуации, включающие объект, на который направлено действие, не оправдывающее ожидаемого результата. При этом говорящему важно подчеркнуть не только негативный результат, но и указать каузатора действия. Информативная значимость каузатора обуславливает в пропозиционной структуре высказывания семантический приоритет субъекта, неверные действия которого спровоцировали неоправданный результат объекта. В формирующейся грамматической конструкции данный субъект занимает позицию подлежащего, что предопределяет роль объекта в виде прямого дополнения.

Если сравнить отмеченную в разговорной речи информантов конструкцию **Ты** *опять котлеты подгорела* с конструкцией кодифицированного литературного языка *У тебя* **опять котлеты подгорели**, то для последней становится очевидной пассивная роль человека в излагаемой негативной ситуации. Объяснение этому (возможно, в определенной степени спорное) находим при интерпретации кодифицированной конструкции в контексте эколлингвистики.

Актуализацию приоритетной позиции человека в конструкциях с переходными глаголами среди проблемных аспектов лингвоэкологии, с опорой на М. Халлидея, обозначает А. Киклевич. Ученый подчеркивает, что человеку принадлежит инициирование действия, направленное на неживой мир, и в качестве примера приводит следующее высказывание: **Я** *увидел реку*, которое является доминирующим в ряду гораздо реже употребляемого высказывания *Перед моим взором открылась река*.

Антропоцентрическое начало в языке провоцирует игнорирование материальной действительности, репрезентируя абсолютное подчинение природы человеку. В этом абсолютизировании, однако, имеется исключение, касающееся негативных явлений, например: **Ветер сорвал крышу** (а мы тут ни при чем). Аналогичным образом можно интерпретировать и конструкцию *У тебя* **опять котлеты подгорели**, где негативное последствие действия лишь косвенно касается человека.

А. Киклевич указывает также на субъектность / бессубъектность конструкций в зависимости от позитивного / негативного участия человека в тех или иных действиях. В частности, он приводит следующий пример: в высказывании **Брат** *сначала хотел поступить в университет, потом ему расхотелось* представленное в первой части

позитивное действие излагается с участием субъекта; отрицательное же действие в виде глагола *расхотелось* выражается безличной конструкцией. Подобная репрезентация негативных действий отмечается в неопределенно-личных предложениях, например: *Однако здесь и намусорили!* (негативное действие представлено вне определенного лица, которое его произвело).

К рассматриваемым конструкциям исследователь относит также высказывания с т.н. «лживым субъектом», в которых обозначается субъект, на самом деле не производящий (не произведший) позитивные действия. В данном случае на первый план выступает приоритетный характер говорящего и вытекающий отсюда принцип эгоцентризма, например: ***Мы уже отремонтировали квартиру*** (при этом известно, что ремонтом квартиры занималась бригада специалистов, которых субъект нанял) (2014).

Разговорные конструкции, однако, не подчинены этим устоявшимся закономерностям, представленным в эколингвистике. В них актуализируется роль человека, субъекта действия, вне зависимости от коннотативных параметров произведенного им действия.

Следует отметить, что актуализация каузатора отнюдь не способствует разворачиванию мысли говорящего. Социальная детерминированность дискурса обуславливает культурологический подход к дискурсному анализу. В этом контексте упрек, осуждение, ирония в отношении действий каузатора, принесших отрицательный результат, остаются «за кадром». Не случайно Т.А. ван Дейк подчеркивает необходимость учета пресуппозиционного знания, хранящегося в виде фреймов и сценариев в памяти носителя языка. Согласно справедливому утверждению ученого, семантика дискурса зависит в полной мере от знаний о мире носителя в рамках

определенной культуры (2000: 128-129). От фонового содержания текста, составляющего важный компонент дискурса, зависит воздействие его на получателя информации и его контекстуальная перспектива в целом, то есть реализация цели дискурса.

Семантическую компрессию провоцирует главным образом общность когнитивного пространства участников коммуникативного акта. Применительно к высказыванию **Ты опять котлеты подгорела** мыслительной компрессии подвергаются некие предшествующие неверные действия каузатора. Это может быть либо недостаточное количество положенного в сковороду жира, либо не вовремя осуществленное перевертывание самих котлет, либо нечто еще, способствующее сложившейся ситуации. Однако данная каузация не является актуальной, что и способствует свертыванию ее не только в речи, но и в мысли.

Произведенный анализ фактического материала свидетельствует, однако, о высказываниях противоположного характера, в которых также наблюдается трансформация непереходных глаголов в переходные. В них используются глаголы совершенного вида, передающие результат действия: *А что? Эти **таблетки меня выздоровели?**; (Отдавая зеленые помидоры) На, **позреешь помидоры.***

Приведенные примеры свидетельствуют о позитивном действии каузатора, благодаря которому был достигнут либо будет достигнут в будущем положительный эффект относительно объекта действия. Причем в данных конструкциях роль человека как производителя положительного действия представлена нейтрально.

Таким образом, расширение круга переходных глаголов в русской разговорной речи белорусов-

билингвов за счет трансформации в них глаголов непереходных свидетельствует об актуализации субъектности как понятийной категории. В отличие от кодифицированного литературного языка в ней не иницируется роль человека над природой и не усматривается приоритетности данной зависимости от интерпретации произведенного субъектом действия. В то же время значимость в разговорной речи обретает общность когнитивного пространства участников коммуникации, благодаря чему оказывается оправданной семантическая компрессия пропозициональных структур и их грамматических соответствий.

Трансформации непереходных глаголов в переходные на уровне русской разговорной речи способствует также то обстоятельство, что в русском языке обнаруживаются лексические лакуны, которые преодолеваются нетипичным употреблением семантически близких лексем. Спонтанность, общность апперцепционной базы участников русской разговорной речи, способствующие экономии речевых средств, порождают синтаксическую компрессию конструкций, включающих два идентичных в формальном отношении глагола, второй из которых передает семантику, не имеющую в русском языке соответствующей, точной номинации. В частности, это касается значения 'подготовить кого-либо ко сну', реализуемого в конструкциях типа *Пойду усну ребенка*. В эксплицитированном виде данная конструкция имеет вид *'Пойду сделаю так, чтобы ребенок уснул.'* Дополнительно происходит «переписывание» глагола так, чтобы он стоял в 1-м лице. Помимо этого, в данном случае одновременно наблюдается семантический процесс метонимии: ведь глагол *уснуть* в таком контексте обнаруживает значение 'заставить спать/уснуть'. Как видим, глагол *уснуть* – это часть значения, за которым стоит более широкое значение.

В данном случае взаимодействуют два процесса: синтаксическая компрессия и метонимия, граница между которыми, согласно справедливому замечанию А. Киклевича, достаточно размыта. Ученый пишет: «Неопределенность границы семантического варьирования слова отчасти обусловлена тем, что не всегда строго различимы семантические и синтаксические явления. Так, полисемия (а в особенности ее разновидность – метонимия) как семантическое явление имеет много сходного с синтаксической компрессией (или конденсацией), которая заключается в том, что в поверхностной структуре предложения не получают представления некоторые обязательные элементы семантической структуры – зарезервированные для них синтаксические позиции оказываются нулевыми или же заполненными синтаксемами, которые выполняют иные семантические функции. К проблемным – с точки зрения их лингвистической интерпретации – следует отнести многие случаи динамического преобразования поверхностной структуры предложения, когда возникает вопрос о том, с каким типом преобразования мы имеем дело – семантическим или поверхностно-синтаксическим» (2007а: 153). Думается, в данном случае очевидна зыбкость границы между планом содержания (семантическое преобразование – метонимия) и планом выражения (синтаксическая компрессия), что обуславливается спецификой разговорной речи как разновидности русского литературного языка.

Экстралингвистические факторы разговорной речи, прежде всего необдуманность, спонтанный характер протекания, устность, неофициальность, диалогичность общения, его конситуативность, предопределяют две противоположные тенденции в процессе ее функционирования. Развернутый характер мысли плана содержания, обусловленный когнитивными способностями современного

человека, сталкивается с тенденцией экономии речевых средств плана выражения. Произведенный анализ свидетельствует, однако, о том, что сформированная на базе этого синтаксическая компрессия грамматических конструкций отнюдь не корректирует интенцию говорящего. Оставшиеся за границами вербализации компоненты грамматических конструкций репрезентируются слушающим в процессе протекания речи.

В результате анализа записей выявлено, что в процессе спонтанного общения на русском языке подверженными синтаксической компрессии оказываются многочисленные грамматические конструкции кодифицированного литературного языка. Среди целого ряда обоснований данного процесса интерес представляет соотношение его со своеобразием модели языкового знака. В трудах А. Киклевича она интерпретируется как интегративная модель, включающая целый комплекс составляющих, а именно: форма, структура, понятийное значение (интенционал), предметное значение (экстенционал, референция), контекст (коммуникативная среда), принцип оптимальности (Божественное начало, которое всем управляет). Наиболее значимым компонентом данной интегративной модели, согласно исследователю, является принцип оптимальности, так как на его основе базируются все составляющие обозначенной модели. Он представляет собой универсальный принцип любой человеческой деятельности. С точки зрения лингвистики он рассматривается как принцип, заключающий обязательность учета таких параметров языковой деятельности, как: а) тип конфигурации элементов знака (формальных и функциональных) в зависимости от условий его употребления, в частности параметры коммуникативных субъектов; б) тип дискурса; в) тип контекста (культурный, ситуативный или речевой). В разговорной речи рассматриваемый принцип

выступает как принцип минимального действия, что проявляется в виде экономии речевых средств, благодаря контексту или конситуации (2007b).

Возникающий в связи с синтаксической компрессией грамматики определенный синкретизм семантики проявляется в разговорной речи в виде самобытных построений. К ним относятся, в частности, конструкции: а) вербализующие степень качества как самого денотата, так и его свойств; б) расширяющие границы для вторичной имперфективации; в) провоцирующие поток переходных глаголов; г) эллиптические построения; д) построения, неполно реализуемые структурную схему простого предложения; е) фразеологизированные конструкции; ж) построения с обобщенным эквивалентом однородного ряда; з) сложные предложения с вербально свернутой условной придаточной частью и другие. Проблема адекватности презентации грамматических построений такого рода в разговорной речи, иными словами, выявление, деформирует ли (если деформирует, то насколько) синтаксическая компрессия фрагменты концептуальной картины мира участников коммуникации, в свете структурирования самобытной русской языковой картины мира белорусов-билингвов остается актуальной, но до настоящего времени не решенной.

Таким образом, тенденция к нейтрализации границ грамматических значений в русской разговорной речи проявляется в способности глаголов к вторичной имперфективации, в расширении зоны переходности, а также в размывании четких границ плана содержания и плана выражения, проявляемом в синтаксической компрессии и семантическом синкретизме.

Библиография

- Виноградов, В.В. *Русский язык: (Грамматическое учение о слове)*. 3-е изд., испр. Москва: Высшая школа. 1986.
- Дейк ван, Т.А. *Язык. Познание. Коммуникация*. Благовещенск: БГК им. А. Бодуэна де Куртенэ. 2000.
- Киклевич, А. *Лекции, прочитанные в Варминьско-Мазурском университете в Ольштыне*. 2014.
- Киклевич, А. *Семантическая vs. синтаксическая деривация*. *Respectus Philologicus*, XVII. 2007a.
- Kiklewicz, A. *Zrozumieć język. Szkice z filozofii języka, semantyki, lingwistyki komunikacyjnej*. Łask: LEKSEM. 2007b.
- Сиротинина, О.Б. *Современная разговорная речь и ее особенности*. Москва: Просвещение. 1974.
- Трубецкой, Н.С. *Основы фонологии*. Москва: Аспект Пресс. 2000.
- Чурилина, Л.Н. *Актуальные проблемы современной лингвистики*. 5-е изд. Москва: Флинта. 2010.

Ludmiła Kilewaja
Kazachski Narodowy Uniwersytet Pedagogiczny imienia Abaja
Instytut Filologii
Al. Dostyk 13, 050-100 Almaty /Kazachstan
E-mail: kilevaya@mail.ru